

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/80/12

Закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19: переформатирование трансграничных практик российско-китайского взаимодействия

Ольга Владимировна Залеская

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, OlgaZalesskaya@gmail.com

Аннотация. Российско-китайские отношения в XXI в. динамично развиваются. Серьезное влияние на развитие сотрудничества между двумя странами оказала пандемия COVID-19. В дальневосточном регионе, где сложился солидный опыт двусторонних контактов, граница между Россией и Китаем была закрыта. Цель статьи – исследование изменений в функционировании трансграничных практик в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке в условиях пандемии коронавируса. Рассмотрены особенности трансграничных практик в новых реалиях, проанализирована их устойчивость к изменившейся ситуации.

Ключевые слова: российско-китайская граница, Дальний Восток, российско-китайское взаимодействие, пандемия COVID-19, трансграничные практики

Для цитирования: Залеская О.В. Закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19: переформатирование трансграничных практик российско-китайского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 107–113. doi: 10.17223/19988613/80/12

Original article

Closure of the Russia-China border in the Far East due to the COVID-19 pandemic: Reformatting Cross-Border Practices of Sino-Russian Interaction

Olga V. Zalesskaia

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation, OlgaZalesskaya@gmail.com

Abstract. In the 21st century, Russian-Chinese relations have reached a new level of interaction, with mutual contacts successfully developing in various spheres and directions. Joint projects have been developed and implemented at the interstate and interregional levels. In the Far East, cross-border practices of interaction due to the proximity of the two countries have formed and functioned successfully in the established system of inter-regional bilateral relations. However, the COVID-19 pandemic has disrupted approved plans and has had a direct impact on the format of further cooperation. All these facts determined the relevance of this study. The purpose of the article is to analyze changes in the functioning of cross-border practices in Russian-Chinese interaction in the Far East in the new context of the coronavirus pandemic. The sources of the article are the quantitative data and analytical reviews of official governmental portals and news websites of the two countries. In the article a systematic approach was used, which allowed to consider cross-border practices as an element of the system of Russian-Chinese interregional cooperation in the Far East, which has a direct impact on its sustainability and development. The author examines the peculiarities of the existence of transboundary practices in the new environment and analyzes their resilience to the changed situation. In the course of the study, the author came to the conclusion that the COVID-19 pandemic and the rapidly followed closure of the Russian-Chinese border in the Far East have had an irreversible impact on the established Russian-Chinese cross-border practices. The 30-year period of their functioning in traditional formats has come to an end. The cross-border practices associated with interregional trade between the Russian Far East and Northeast China are the most stable. Their relative stability, however, is due to socio-economic conditions, state support measures and foreign policy vectors of the two countries. The spheres of construc-

tion, agriculture, services and cultural and humanitarian cooperation, on the other hand, have shown maximum instability. Online events in education, science, art and sports spheres in the Far East border region are either impossible or significantly diminish their value, have a negative impact on perceptions and do not contribute to deepening ties. Cross-border practices such as tourism, shuttle trade, shopping tours have ceased altogether. Obviously, established cross-border practices will never function in their former formats again. If the border closures continue, they will inevitably fade and cease altogether in some areas, which, in turn, will have a negative impact on the development of Russian-Chinese relations at all levels in the future.

Keywords: Russia-China border, Far East, Russia-China cooperation, COVID-19 pandemic, cross-border practices

For citation: Zaleskaya, O.V. (2022) Closure of the Russian-Chinese border in the Far East due to the COVID-19 pandemic: reformatting cross-border practices of Sino-Russian interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 107–113. doi: 10.17223/19988613/80/12

Российско-китайское взаимодействие многогранно и многоаспектно. Оно включает в себя отношения двух стран на межгосударственном и межрегиональном уровнях, и в настоящее время характеризуется как всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие. К фундаментальным принципам двустороннего российско-китайского взаимодействия в новую эпоху относятся: взаимоуважение и равноправие, добрососедство, высокий уровень взаимного доверия, взаимная поддержка, взаимовыгодный характер сотрудничества и готовность к компромиссу [1]. Под «новой эпохой» в российско-китайских отношениях, с одной стороны, подразумевается период, начавшийся с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина, с другой – новая концептуализация российско-китайских отношений: их новая глубина, новые возможности и новая степень ответственности в целом, более высокий уровень взаимной поддержки и взаимного доверия [2].

На Дальнем Востоке российско-китайское взаимодействие представляет собой отношения между соседствующими регионами двух крупнейших мировых держав. Россия и Китай граничат здесь на протяжении более чем 4 тыс. км, осуществляя сотрудничество по различным направлениям. Межрегиональное взаимодействие двух стран, в свою очередь, представляет собой крупнейшую систему на геополитическом дальневосточном пространстве, начало формирования которой следует отнести ко второй половине XIX в., когда после разграничения территорий двух стран в Приамурье и Приморье развернулась их колонизация представителями двух этносов. Подданные Российской и Цинской империй устанавливали тесные контакты, совместно осваивали необжитые земли. В процессе расширения связей в дальневосточном приграничье здесь складывались практики российско-китайского сотрудничества, определенные географической близостью российских и китайских порубежных территорий и взаимной обусловленностью двусторонних контактов: территории российского Дальнего Востока в процессе колонизации нуждались в китайском труде и товарах, северо-восточные провинции Китая испытывали русское влияние в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и т.д. Закрытие дальневосточных границ в конце 1930-х гг. привело к прекращению трансграничных практик, но через полвека, в конце 1980-х гг., они были возобновлены. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется их развертыванием и расширением вплоть до начала пандемии коронавируса нового типа, когда российско-китайская граница на

Дальнем Востоке была вновь закрыта и сотрудничество двух стран переведено в новые форматы, пока на неопределенный срок.

Цель данного исследования – проанализировать изменения в форматах трансграничных практик взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке после закрытия границы в связи с пандемией коронавируса нового типа, охарактеризовать новые условия трансграничного сотрудничества, осветить перспективы дальнейшего развития российско-китайских межрегиональных отношений на Дальнем Востоке.

Понятие трансграничных социальных практик ввел А. Моралес для характеристики деятельности, центральным элементом которой является пересечение границы. Он считал, что практики могут быть адаптивными, преобразующими, продуктивными и репродуктивными и, как правило, связаны с зарабатыванием, экономией или снижением повседневных расходов для жителей приграничных районов, которые в процессе практик преобразуют жизнь приграничья. Сходную характеристику давал трансграничным практикам С. Парелла, который отмечал, что в ходе таких практик порубежное население пользуется преимуществами жизни на одной стороне границы и работы на другой стороне, пересекая границу для осуществления различного вида деятельности. М. Тапия, в свою очередь, выделила три основных характерных черты трансграничных практик: непрерывность взаимодействия порубежного населения во времени, масштаб обменов соответствующих групп населения и географическая близость территорий, которая проявляется прежде всего в трансграничной мобильности. «Именно мобильность создает территорию, связывая пограничные пространства и города, которые формируют трансграничность несмотря на существование ограничений и трудностей, возникающих при пересечении границ» [3. С. 73, 75]. В нашем исследовании под трансграничными практиками понимаются формы взаимодействия представителей российской и китайской культур, выходящие за территориальные рамки административных образований одной страны и охватывающие зону порубежных контактов русского и китайского населения. Трансграничные российско-китайские практики складывались на протяжении десятилетий и динамично развивались; выкристаллизовались их формы и механизмы существования. В целом они стали феноменом дальневосточного приграничья, его неотъемлемым элементом. Пандемия COVID-19 необратимо нарушила их функционирование.

В исследовании применен системный метод, позволивший рассмотреть трансграничные практики как элемент системы российско-китайского межрегионального взаимодействия на Дальнем Востоке, оказывающий непосредственное влияние на ее устойчивость и развитие. В свою очередь, трансграничные практики сами представляют собой систему, составляющие которой формируют контактную зону в дальневосточном приграничье. Важнейшими акторами трансграничных практик являются китайская миграция на российский Дальний Восток, миграции россиян в северо-восточные провинции Китая, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, приграничная торговля и т.д. В исследовании дана характеристика взаимодействия русского и китайского народов на приграничных территориях в процессе трансграничных практик, где в контексте объективного сосуществования происходило их максимальное сближение, обусловившее, в свою очередь, значительную степень интенсивности взаимодействия.

Трансграничные практики в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке зарождаются с началом тесного соприкосновения двух цивилизаций после разграничения дальневосточных территорий, и, за исключением полувекowego периода закрытия границ (1938–1988), поступательно развиваются. В процессе их развития можно выделить следующие этапы.

1. Середина XIX – начало XX в. В период Российской империи, с освоением и колонизацией дальневосточных территорий после подписания Айгуньского и Пекинского договоров, происходит формирование трансграничных практик, таких как порубежная торговля и посредничество, деятельность китайских мигрантов по разработке приисков, строительству дорог и населенных пунктов в контактной зоне дальневосточного приграничья, складывание российской эмиграции в зоне строительства КВЖД, взаимное узнавание русской и китайской культур и языка и т.д. Расширение российско-китайского взаимодействия обусловило и возникновение криминогенных явлений, которые надолго укоренились в дальневосточном приграничье: контрабанды, хунхузничества, опиекурения, конокрадства, браконьерства, шпионажа.

2. 20–30-е гг. XX в. После октября 1917 г. начался новый этап в истории российско-китайских отношений. Китайских мигрантов, к октябрю 1917 г. находившихся на советской территории, советское руководство, ориентировавшееся на осуществление мировой социалистической революции, предполагало использовать как участников грядущих классовых битв. В 1918–1922 гг. перечень трансграничных практик пополняется еще одной составляющей: в Гражданской войне на территории России участвуют китайские мигранты и, возвращаясь на родину, передают в Китай революционный опыт и революционные идеи. Китайские мигранты на российской территории стали элементом системы советской национальной политики; они вовлекались в социалистическое строительство и происходившие трансформационные процессы. Советские властные органы на Дальнем Востоке создавали для китайских мигрантов агитпропотделы, библиотеки,

органы печати, клубы, театры, коммуны, рабфаки, совпартшколы, вовлекали их в кооперативы, профсоюзы и колхозы. Особым социокультурным явлением в контактной дальневосточной зоне, возникшим на основе преемственности с российской культурой и диалога с социокультурными образованиями в Азии, стало Русское зарубежье. Русскую эмиграцию следует рассматривать как особое социокультурное явление, которое в процессе взаимодействия с китайским народом обогатило культуру принимающей страны, создав огромный пласт материальных, духовных и культурных ценностей.

3. 40–80-е гг. XX в. В этот период обострение международной обстановки вынудило советское руководство выбрать приоритетным направлением обеспечение безопасности региона. Дальневосточные границы были закрыты, трансграничные практики – прерваны.

4. Конец 80-х гг. XX в. – по настоящее время. Российско-китайское взаимодействие возрождается вновь с открытием дальневосточных границ в конце 1980-х гг. 24 сентября 1988 г. между СССР и КНР произошел обмен первыми туристическими группами – из Благовещенска в Хэйхэ однодневную поездку по безвизовому обмену совершили две встречные группы. На порубежных территориях разворачиваются новые трансграничные практики: «челночная» («народная») и бартерная торговля, деятельность совместных российско-китайских предприятий и предприятий с иностранными (китайскими) инвестициями, приграничный туризм, культурные и гуманитарные связи, а также, как и сто лет назад, – контрабанда, «серая растаможка», незаконные приграничные валютные операции и т.п. [4. С. 535–540].

Несмотря на проблемы и недостатки российско-китайского взаимодействия (низкое качество китайских товаров, нацеленность китайских и российских предпринимателей на быстрое получение прибыли, несформированность приграничной таможенной инфраструктуры и т.д.), а также регулярно озвучивавшиеся на разных уровнях заявления о «желтой опасности», региональные руководители признавали, что без трансграничных практик китайских мигрантов экономика всего российского Дальнего Востока лишилась бы значительной части вливаний и доходов, а российское население – возможности приобретения дешевых товаров повседневного спроса и целого ряда продуктов [5]. По данным В.Г. Гельбраса, торговые операции по закупке китайских товаров совершали ежегодно около 800 тыс. чел., причем объем закупок каждого из них мог составлять 5–6 тыс. долл. [6. С. 300]. При малейших попытках закрыть границы население выражало незамедлительные протесты. Так, летом 2003 г., когда в Китае впервые была зарегистрирована смерть от атипичной пневмонии, по распоряжению федерального правительства на Амуре было закрыто 11 таможенных пунктов, ввоз китайских товаров был ограничен. Менее чем через неделю на улице перед зданием правительства Амурской области был организован пикет, участники которого требовали открыть таможню, так как в течение нескольких дней практически все товары повседневного спроса были проданы, а на

рынках Благовещенска существенно повысились цены. Тогда границы очень быстро открылись.

В целом на рубеже XX–XXI вв. трансграничное сотрудничество поступательно развивалось, совершенствуя формы и направления. Этому способствовало упрочение двусторонних отношений, выход взаимодействия двух стран на новый уровень. В 1996 г. Россия и Китай установили отношения стратегического партнерства. В подписанном 16 июля 2001 г. Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР были зафиксированы намерения сторон развивать отношения «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» [7]. Стало активно развиваться сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической, военной, гуманитарной и иных сферах. Углублению двустороннего взаимодействия в различных областях способствовало проведение Национальных годов (2006–2007), Годов языков (2009–2010), Годов туризма (2013–2014), Годов дружественных молодежных обменов (2014–2015), Годов СМИ (2016–2017), Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества (2018–2019). 2020–2021 гг. были объявлены Годом китайско-российского научно-технического и инновационного сотрудничества.

Приграничные территории России и Китая играли активную роль в этом взаимодействии; их роль как субъектов двусторонних отношений огромна. Активно развивалась торговля между российским Дальним Востоком и Китаем: в 2019 г. ее объем составил 10,5 млрд долл., увеличившись на 8% по сравнению с показателями предыдущего 2018 г. [8]. В целом же общий объем товарооборота России и Китая в 2019 г. составил 110,75 млрд долл. [9]. Таким образом, объем приграничной дальневосточной торговли составил 9,5% от общего объема торговли между Россией и Китаем. Функционировал китайский бизнес на дальневосточных территориях, китайские граждане прибывали на российский Дальний Восток в качестве строителей, сельхозрабочих, торговцев, поваров ресторанов китайской кухни. Популярным стало дальневосточное направление у китайских туристов: так, в 2019 г. российский Дальний Восток с туристическими целями посетили более 220 тыс. граждан Китая, что составило 18,6% от общего объема турпотока из КНР в Россию [10]. В российских вузах обучались студенты и аспиранты из Китая: в 2019 г. – 45 тыс. чел. [11]. Проводились совместные культурные мероприятия; некоторые из них стали брендовыми для приграничных территорий (заплыв «Дружба» и «Хоккей на Амуре», фестивали «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» и «Амур – река дружбы» и др.).

В 2020 г. мировое сообщество столкнулось с новым вызовом: стремительным распространением COVID-19. Уже 30 января 2020 г. председатель правительства РФ Михаил Мишустин подписал распоряжение о закрытии российской границы на Дальнем Востоке, чтобы препятствовать распространению нового типа. С 20 февраля был полностью запрещен въезд гражданам КНР и ввоз товаров. С 18 марта Россия ограничила въезд на территорию страны иностранцев и лиц без граждан-

ства. Принятые запреты оказались в числе мер, принятых весной 2020 г. по всему миру в целях обеспечения изоляции, и, вероятно, такое «синхронное» закрытие может быть признано «последним актом подлинной глобализации» [12. С. 6]. После каждая страна открывалась уже сепаратно, с учетом своей эпидемиологической обстановки.

Такие беспрецедентные меры, которые не принимались ранее в отношении ни одного из вирусов (атипичной пневмонии, птичьего гриппа, свиного гриппа и т.п.), сразу же оказали непосредственное влияние на характер трансграничного сотрудничества. Прекратилось грузовое сообщение на пунктах пропуска, что привело к дефициту китайских овощей и росту цен на сельхозпродукцию в несколько раз. Десятки фуры не смогли пересечь границу. Позже грузовое автосообщение было открыто, что решило проблему дефицита овощей и фруктов [13]. Однако другие товары в районе Благовещенска через границу не пропускали больше года (исключение составляли лишь части для строящегося в Амурской области газоперерабатывающего завода) [14]. Грузовое направление на Дальнем Востоке фактически функционировало в автомобильных и смешанных пунктах пропуска: МАПП Забайкальск, СПП Благовещенск, ДАПП Староцурухайтуйский. Автомобильные грузоперевозки через российско-китайские пункты пропуска неоднократно приостанавливались по инициативе китайской стороны. Такие решения были вызваны поочередно неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в Китае и ухудшением эпидемиологической ситуации в России. Многие российские фирмы и частные предприниматели потерпели и продолжают терпеть убытки, так как завозили товар и комплектующие для своего бизнеса из Китая и были вынуждены переориентироваться на российские фабрики, которые предлагают товар по цене минимум вдвое дороже и с высокой стоимостью доставки по России. Зачастую товар с нужными характеристиками на российской территории просто невозможно найти. Ситуация с распространением коронавируса серьезно затруднила и поставки в Китай фирменной амурской культуры – сои. Сразу на 23,4% в 2020 г. снизился товарооборот между Российской Федерацией и северо-восточной китайской провинцией Хэйлунцзян. Об этом со ссылкой на таможенную службу сообщило агентство Синьхуа, подчеркивая, что в абсолютных цифрах этот показатель превышает 97 млрд юаней (около 15 млрд долл.), а на Россию приходится почти две трети всей внешней торговли Хэйлунцзяна [15].

Что касается объемов торговли между Россией и Китаем, то в 2020 г. она вышла на отметку в 107,7 млрд долл., сократившись по сравнению с 2019 г. на очень незначительную цифру в 2,9% (менее чем на 3 млрд долл.) [16]. В том числе экспорт из Китая в Россию вырос на 1,7% и достиг 50,6 млрд долл., российский импорт в Китай, напротив, сократился на 6,6% – до 57,18 млрд долл. В частности, увеличился экспорт в Китай российского природного газа и железной руды, а также сельскохозяйственной продукции. В обратном направлении произошел рост поставок

из Китая в Россию товаров медицинского назначения, электроники и текстиля [17].

В свою очередь, товарооборот между Дальним Востоком России и Китаем по итогам 2020 г. вырос на 3,3% по сравнению с 2019 г. и составил \$10,8 млрд, в том числе экспорт в Китай составил \$6,9 млрд, импорт из Китая – \$3,9 млрд [18]. Из Китая в Россию везут одежду, обувь, компьютеры, бытовую химию, электронику, автомобили и другие товары народного потребления. В обратном направлении идут автозапчасти, сельхозпродукция, продукты питания, древесина и т.д. При этом в 2021 г. наблюдался резкий рост транзитных грузоперевозок между Китаем и Европой. Если в 2020 г. транзит контейнеров по сети ОАО РЖД на маршруте Китай–Европа–Китай превзошел показатели 2019 г. за три квартала, то в 2021 г. – всего за полгода. Всплеск транзита по суше вызван как восстановлением мировой экономики после пандемии, так и беспрецедентным – в семь раз – взлетом ставок морского фрахта в сообщении Китай–Европа. Кроме того, на участников рынка повлиял инцидент с блокировкой Суэцкого канала в марте 2021 г. Увеличение спроса на сухопутные перевозки необычайно усложняет и часто парализует работу российских пунктов пропуска, свидетельствуя о неготовности российской инфраструктуры. На автомобильных погранпереходах скапливаются сотни фур, а водители вступают в драки за место в очереди. На железной дороге тоже наблюдаются заторы, в чем ОАО РЖД винит строгие карантинные меры со стороны Китая, а участники рынка – также нехватку порожних контейнеров и сбои в работе российской сети. Критическая ситуация в конце октября 2021 г. сложилась на крупнейшем сухопутном переходе Забайкальск–Маньчжурия, где есть как железнодорожный, так и автомобильный пункт пропуска. «По нашим субъективным оценкам, на территориях рядом с погранпереходом в ожидании заезда ежедневно находится около 500 автомобилей, в среднем машина стоит неделю, – рассказывает руководитель направления автоперевозок из Китая “Траско” Максим Игнатов. – Неделя простоя одного автомобиля обходится компании примерно в 150 тыс. руб.» [19]. Из-за простоев сроки доставки грузов из Китая автотранспортом выросли в среднем на 30–40 дней. Один день простоя фуры на границе обходится в среднем в 500 евро, или 40 тыс. руб., каждый день содержания груза на складе временного хранения стоит около 10 тыс. руб. Таким образом, только на МАПП Забайкальск–Маньчжурия перевозчики теряют из-за простоев машин по 40 млн руб. в день [20].

За исключением приграничной торговли, другие сферы российско-китайского взаимодействия серьезно пострадали, так как пассажирские перевозки, в отличие от грузовых, так и не были восстановлены. Дальневосточная граница по-прежнему закрыта для пассажирского сообщения. Произошло беспрецедентное уменьшение китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке – торговцев (только в Благовещенске количество китайских торговцев сократилось в 4 раза), сельхозрабочих, строителей, что привело к застою этих отраслей в регионе. Из-за карантина многие

предприниматели в Амурской области остались без китайских работников. Опустели местные рынки. Полностью остановлен поток туристов из Китая в Россию и из России в Китай. Прекращен бизнес «челноков» – этот канал доставки китайских товаров широкого потребления российскому населению был закрыт. Десятки российских и китайских граждан испытывали проблемы с возвращением на родину. Отрицательные последствия испытывает и сфера образования – из-за закрытия границы в российские дальневосточные вузы не могут вернуться китайские студенты, уехавшие в 2020 г. на Новый год на родину. Российские студенты, в свою очередь, не могут попасть в китайские вузы на учебу. Это означает продолжение на неопределенный срок дистанционного обучения, которое далеко не всегда отвечает целям и задачам изучения языка и культуры другой страны. Совместные российско-китайские культурные мероприятия переведены в онлайн-форматы, перенесены на неопределенный срок либо отменены. Так, мероприятия ежегодной «Российско-китайской ярмарки культуры и искусства» в 2020 г. были полностью отменены из-за пандемии, а в 2021 г. проведены раздельно на китайском и российском берегах. Выставки работ российских и китайских художников и фотографов, а также российско-китайская танцевальная выставка были проведены онлайн [21].

Пандемия коронавируса внесла серьезные коррективы в планы реформирования транспортной инфраструктуры региона. Построенный трансграничный мост Благовещенск–Хэйхэ не могут ввести в эксплуатацию. Это долгожданный проект, идея которого возникла еще в начале 1990-х гг., с открытием границы между Россией и Китаем. Мост Благовещенск–Хэйхэ возводился по концессионному договору и был построен за три года: с 24 декабря 2016 г. по 29 ноября 2019 г. Строительство велось одновременно с российской и китайской сторон, каждая возвела ровно половину мостового перехода через Амур. В целом строительство транспортного перехода обошлось в 18,8 млрд руб. По прогнозам, ежегодный поток пассажиров по нему достигнет около 3 млн чел., грузов – порядка 6 млн т, или почти 300 тыс. автомобилей. Ожидается, что запуск моста позволит сформировать в Амурской области логистический хаб, использование которого сократит транспортировку грузов в европейскую часть России на 1,5 тыс. км [22].

Открыть мост планировали в ноябре 2020 г., но из-за сложной эпидемиологической ситуации запуск объекта пришлось перенести. В настоящее время открыть движение по переходу мешает эпидемиологическая обстановка. Ситуация усугубляется тем, что в России началась очередная волна эпидемии (в настоящее время в сутки регистрируются более 40 тыс. случаев заражения), в соседнем с Россией Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян) обнаружены более двух сотен зараженных, чего не было с начала пандемии. Поэтому пока открытие не только границы для пассажиров, но и грузового сообщения по вновь построенному мосту откладывается на неопределенный срок. В Хэйхэ было отложено заседание экспертной группы, которая в конце октября 2020 г. должна была утвердить стои-

мость проезда по мосту. В заседании должны были принять участие 30 человек, среди них чиновники правительства Хэйхэ, чиновники Комиссии по развитию и реформе КНР, сотрудники таможни и пунктов пропуска Хэйхэ, силовики, представители транспортных и логистических компаний, компаний, которые занимаются торговлей с Россией, а также представители туристического бизнеса [23].

В заключение отметим, что закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке в связи с пандемией COVID-19 стало определяющей вехой в истории российско-китайского межрегионального взаимодействия. Им завершился период формирования и развития российско-китайских отношений в дальневосточном приграничье в традиционных форматах, когда основополагающую роль играли прямая коммуникация между участниками взаимодействия, диалог культур, ситуации непосредственного общения. Формы и направления трансграничных практик, складывавшиеся на протяжении десятилетий, несли в себе исторический опыт взаимодействия русского и китайского этносов в дальневосточном приграничье и имели потенциал дальнейшего развития в контексте эволюции межгосударственных и межрегиональных отношений между двумя

странами. Однако пандемия COVID-19 внесла в этот процесс радикальные коррективы. Наиболее устойчивой формой трансграничных практик при этом оказалась сфера приграничной торговли в силу ее обусловленности социально-экономической ситуацией и поддержки государственными механизмами. Региональные сферы строительства, сельского хозяйства, услуг на фоне ограничений в миграционной сфере обнаружили максимальную неустойчивость и неопределенность развития. Нестабильная ситуация сложилась в области культурно-гуманитарного сотрудничества: успешное развитие контактов в сфере образования, науки, искусства, спорта, туризма дистанционно невозможно. Пока не идет речи об их возможной адаптации к изменившимся условиям. В эпоху пандемии, когда ценностью становится самодостаточность и способность функционировать при высокой степени изоляции, не место контактам в прежних форматах. При сохраняющемся дальнейшем закрытии границы сложившиеся трансграничные практики, вероятно, определенный период времени продолжат свое существование, однако в итоге их ждет свертывание и затухание, что окажет необратимое негативное влияние на развитие российско-китайских отношений на всех уровнях.

Список источников

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Карнеев А. Значение и смысл формулы российско-китайского стратегического сотрудничества «в новую эпоху» // Российский Совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Tapia M. Las fronteras, la movilidad y lo transfronterizo: Reflexiones para un debate // Estudios Fronterizos. 2017. № 18 (37). P. 61–80. doi: 10.21670/ref.2017.37.a04
4. Zaleskaia O. Chinese Migration and Cross-Border Practices in the Russian-Chinese Interaction in the Far East: Four Stages of Intercultural Dialogue // Changing Societies & Personalities. 2020. Vol. 4 (4). P. 528–541. doi: 10.15826/csp.2020.4.4.115
5. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 5.
6. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.07.2001 // Сборник российско-китайских документов. 1999–2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143–151.
8. Товарооборот регионов Дальнего Востока и Китая вырос на 8% в 2019 году // ТАСС. 2020. 30 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9584895> (дата обращения: 09.10.2020).
9. Чжун-Э шуанфан цзинци хэцэ (Экономическое двустороннее сотрудничество России и Китая) // Главное таможенное управление КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/2557283/index.html> (дата обращения: 16.09.2021).
10. Китайский турпоток в Россию. Объемы. Сезонность. Точки входа. URL: https://www.sibtourport.ru/articles/russia_china/kitayskiy_turpotok_v_rossiyu_obyemu_sezonnost_tochki_vkhoda/ (дата обращения: 23.10.2021).
11. Цзинци жибао. 2020. 13 июля.
12. Барабанов О. и др. Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего: ежегодный доклад международного клуба Валдай. 2021. Октябрь. 29 с.
13. Объем импорта китайских овощей на российский Дальний Восток упал почти вдвое. URL: <https://www.amur.info/news/2020/02/07/167593> (дата обращения: 21.10.2021).
14. Грузовое сообщение по понтонному мосту между Благовещенском и Хэйхэ открыли спустя год. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/03/16/149831> (дата обращения: 14.10.2021).
15. Товарооборот между пров. Хэйлунцзян и Россией снизился на 23,4 проц. в 2020 году // Синьхуа тунсяньшэ (Агентство Синьхуа). 2021. 15 янв. URL: <http://home.xinhua-news.com/gdsdetailxhs/share/8845935-?pageflag=iframe> (дата обращения: 25.10.2021).
16. «Год результатов». Как в условиях пандемии выглядит торговля между РФ и КНР // Известия. 2021. 9 марта. URL: <https://iz.ru/1134334/van-zhui/god-rezultatov> (дата обращения: 24.09.2021).
17. Товарооборот между Китаем и Россией // Sea News: информационно-аналитическое агентство. URL: <https://seanews.ru/2021/01/15/rutovarooborot-mezhdu-kitaem-i-rossiej/> (дата обращения: 03.09.2021).
18. Товарооборот ДФО с Китаем по итогам 2020 года составил \$10,8 млрд. ТАСС. 2021. 2 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12278859> (дата обращения: 02.09.2021).
19. Экономика погранпереходного периода. Российский транзит грузов для Европы встал на китайский карантин // Коммерсантъ. 2021. 10 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4937404> (дата обращения: 25.08.2021).
20. На границе с Китаем скопились рекордные пробки из большегрузов // Ведомости. 2021. 31 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/31/893811-kitaem-probki?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=na-granitse-s-kitaem-skopilis-rekordnye (дата обращения: 07.11.2021).
21. Программа // 12 международный фестиваль «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства» [21–25 июня 2021 г.]. URL: <https://amurartfair.ru/program/> (дата обращения: 10.10.2021).
22. Трансграничный мост «Благовещенск–Хэйхэ» могут открыть для движения в ноябре // Trans.ru. 2021. 28 окт. URL: <https://trans.ru/news/transgranichnii-most-blagoveschensk-heihe-mogut-otkrit-dlya-dvizheniya-v-noyabre> (дата обращения: 06.11.2021).

23. В Хэйхэ из-за вспышки ковида отложили обсуждение стоимости проезда по мосту через Амур // Amur Life. 2021. 1 нояб. URL: <https://www.amur.life/news/2021/11/01/v-heyhe-otlozhili-obsuzhdenie-stoimosti-proezda-po-mostu-cherez-amur> (дата обращения: 05.11.2021).

References

1. Kremlin.ru. (n.d.) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitii otnosheniy vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (Accessed: 12th September 2021).
2. Karneev, A. (n.d.) *Znachenie i smysl formuly rossiysko-kitayskogo strategicheskogo sotrudnichestva "v novuyu epokhu"* [The meaning and purpose of the Russian-Chinese strategic cooperation formula "in the new era"]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/znachenie-i-smysl-formuly-rossiysko-kitayskogo-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-novuyu-epokhu/> (Accessed: 2nd September 2021).
3. Tapia, M. (2017) Las fronteras, la movilidad y lo transfronterizo: Reflexiones para un debate. *Estudios Fronterizos*. 18(37). pp. 61–80. DOI: 10.21670/ref.2017.37.a04.
4. Zaleskaia, O. (2020) Chinese Migration and Cross-Border Practices in the Russian-Chinese Interaction in the Far East: Four Stages of Intercultural Dialogue. *Changing Societies & Personalities*. 4(4). pp. 528–541. DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.115
5. The State Archive of the Amur Region (GAAO). Fund 2286. List 1. File 154. p. 59.
6. Gelbras, V.G. (2001) *Kitayskaya real'nost' Rossii* [Russia's Chinese Reality]. Moscow: Muravey.
7. Russian Federation. (n.d.) Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiei i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ot 16.07.2001 [Treaty on Good Neighbourliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China of July 16, 2001]. In: *Sbornik rossiysko-kitayskikh dokumentov. 1999–2007 gg.* [Collection of Russian-Chinese documents. 1999–2007]. Moscow: [s.n.].
8. TASS. (2020) *Tovarooborot regionov Dal'nego Vostoka i Kitaya vyros na 8% v 2019 godu* [Trade between the Far East and China grew by 8% in 2019]. 30th September. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/9584895> (Accessed: 9th June 2020).
9. Main Customs Administration of the People's Republic of China. (n.d.) *Zhong-E shuangfang jingji hezuo* [Economic bilateral cooperation between Russia and China]. [Online] Available from: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtjj35/2557283/index.html> (Accessed: 16.09.2021).
10. STI. (2020) *Kitayskiy turpotok v Rossiiyu. Ob"emy. Sezonnost'. Tochki vkhoda* [Chinese tourist flow to Russia. Volumes. Seasonality. Points of entry]. [Online] Available from: https://www.sibtourport.ru/articles/russia_china/kitayskiy_turpotok_v_rossiiyu_obyemy_sezonnost_tochki_vkhoda/ (Accessed: 23rd October 2021).
11. *Jingji ribao*. (2020) 13th July.
12. Barabanov, O. et al. (2021) *Epokha pandemii: god vtoroy. Vozvrashchenie budushchego: ezhegodnyy doklad mezhdunarodnogo kluba Valday* [The Age of Pandemic: Year Two. The return of the future. Annual report of the Valdai International Club]. October.
13. Amur.info. (2020) *Ob"em importa kitayskikh ovoshchey na rossiyskiy Dal'niy Vostok upal pochti dvoye* [The volume of Chinese vegetable imports to the Russian Far East has almost halved]. [Online] Available from: <https://www.amur.info/news/2020/02/07/167593> (Accessed: 21st October 2021).
14. Veselova, L. (2021) *Gruzovoe soobshchenie po pontonnomu mostu mezhdru Blagoveshchensk i Kheykhe otkryli spustya god* [Cargo traffic on the pontoon bridge between Blagoveshchensk and Heihe opened after one year]. [Online] Available from: <https://grkamur.ru/news/2021/03/16/149831> (Accessed: 14th October 2021).
15. *Xinhua tongxunshe* [Xinhua News Agency]. [Online] Available from: <http://home.xinhua-news.com/gdsdetailxhs/share/8845935-?pageflag=iframe> (Accessed: 25th October 2021).
16. Wang Rui. (2021) "God rezul'tatov". Kak v usloviyakh pandemii vyglyadit trgovlya mezhdru RF i KNR ["The Year of Results." What trade between Russia and China looks like in the pandemic]. *Izvestiya*. 9th March [Online] Available from: <https://iz.ru/1134334/van-zhui/god-rezultatov> (Accessed: 24th September 2021).
17. *SeaNews*. (2021) *Tovarooborot mezhdru Kitaem i Rossiei* [Trade between China and Russia]. 15th January. [Online] Available from: <https://seanews.ru/2021/01/15/ru-tovarooborot-mezhdru-kitaem-i-rossiei/> (Accessed: 3rd September 2021).
18. TASS. (2021) *Tovarooborot DFO s Kitaem po itogam 2020 goda sostavil \$10,8 mlrd* [The FEFD's trade turnover with China in 2020 was \$10.8 billion]. 2nd September. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/12278859> (Accessed: 2nd September 2021).
19. *Kommersant*. (2021) *Ekonomika pogranperekhodnogo perioda. Rossiyskiy tranzit грузов dlya Evropy vstal na kitayskiy karantin* [The economics of the border transition period. Russian cargo transit for Europe gets caught up in Chinese quarantine]. 10th August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4937404> (Accessed: 25th August 2021).
20. *Vedomosti*. (2021) *Na granitse s Kitaem skopilis' rekordnye probki iz bol'shegruzov* [Record-breaking traffic jams at the border with China]. 31st October. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/10/31/893811-kitaem-probki?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=na-granitse-s-kitaem-skopilis-rekordnye (Accessed: 7th November 2021).
21. International Festival "Russian-Chinese Culture and Art Fair". (2021) *12 mezhdunarodnyy festival' "Rossiysko-kitayskaya yarmarka kul'tury i iskusstva"* [21–25 iyunya 2021 g.]. [Programme of the 11th International Festival "Russian-Chinese Culture and Art Fair" (21–25 June 2021)]. [Online] Available from: <https://amurartfair.ru/program/> (Accessed: 10th October 2021).
22. Press Service of the Government of the Amur Region. (2021) *Transgranichnyy most "Blagoveshchensk-Kheykhe" mogut otkryt' dlya dvizheniya v noyabre* [Blagoveshchensk-Heihe cross-border bridge may open to traffic in November]. [Online] Available from: <https://trans.ru/news/transgranichniy-most-blagoveshchensk-heihe-mogut-otkrit-dlya-dvizheniya-v-noyabre> (Accessed: 6th November 2021).
23. *Amur Life*. (2021) *V Kheykhe iz-za vspyshki kovida otlozhili obsuzhdenie stoimosti proezda po mostu cherez Amur* [In Heihe, a covid outbreak postponed discussion on the Amur bridge fare]. [Online] Available from: <https://www.amur.life/news/2021/11/01/v-heyhe-otlozhili-obsuzhdenie-stoimosti-proezda-po-mostu-cherez-amur> (Accessed: 5th November 2021).

Сведения об авторе:

Залеская Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор, декан международного факультета Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия). E-mail: OlgaZalesskaya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zalesskaia Olga V. – Doctor in History, Professor, Dean of the International Faculty, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: OlgaZalesskaya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.12.2021; accepted for publication 11.11.2022

Статья поступила в редакцию 04.12.2021; принята к публикации 11.11.2022